

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

КАТОЛИКИ И ЛЮТЕРАНЕ

въ Астраханской епархіи и отношеніе къ нимъ Св. Синода и мѣстной епархіальной власти.

(Продолженіе. См. Астр. Епарх. Вѣд. № 8 1902 г.).

Съ воцареніемъ Императрицы Анны Іоанновны (въ концѣ января 1730 г.), отношенія астраханскихъ преосвященныхъ къ проживающимъ въ Астрахани католикамъ по своему существу на измѣнились. Преосвященный Иларіонъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, считалъ себя главнымъ начальникомъ въ духовныхъ дѣлахъ не только надъ православными, но и надъ инославными пастырями и ихъ пасомыми, да и эти послѣдніе не гнушались обращаться за судомъ къ православному архипастырю. Такихъ случаевъ въ консисторномъ архивѣ сохранилось достаточно. Такъ одинъ поручикъ Іоаннесъ де-Плигтъ, донося въ 1732 г. преосвященному Иларіону о томъ, что онъ сговорилъ за себя въ замужество иноземку и желаетъ съ нею обвѣнчаться по своему, «токмо за нѣкоторою съ патеромъ Феликсомъ у меня ссорою, оный патерь меня не вѣнчаетъ», всепокорно просилъ, чтобы повелѣно было патеру повѣнчать его. Преосвященный не отклонилъ отъ себя этого ходатайства, и патеру послалъ указъ о повѣнчаніи поручика съ его невѣстою ¹⁾. Въ семейныхъ своихъ распряхъ, когда патерскія мѣры оставались безсильными, католики искали себѣ суда также у православной духовной власти. Такъ астраханскій житель католикъ (изъ армянъ) Чичеринъ обращался въ духовную консисторію съ жалобой на жену свою Бригиту, что она, не желая жить съ нимъ добродетельно, неоднократно еще въ С.-Петербургѣ убѣгала отъ него и жила распутно въ непотребныхъ домахъ, отъ чего не отставала и по приѣздѣ въ Астрахань. Желая избавиться отъ нея, въ Петербургѣ онъ давалъ ей отпускное письмо на свободное проживаніе во всѣхъ городахъ, а когда она заявила за нимъ въ Астрахань, то по наставле-

¹⁾ Арх. д. 1732 г. № 1719.

нію патера Іоаннеса выдалъ ей на обратный проѣздъ въ С.-Петербургъ и на пропитаніе 43 рубля. Но жена его, доѣхавъ лишь до Чернаго-Яра, воротилась назадъ въ Астрахань, гдѣ и поселилась неизвѣстно у кого. Въ заключеніе же жалобы своей Чичеринъ просилъ «сіе явочное доношеніе въ духовной консисторіи принять и записать впредь для вѣдома и оправданія моего». Вслѣдъ за симъ подано было доношеніе на имя преосв. Иларіона отъ жены Чичерина Бригиты, которая во всемъ упрекала мужа своего, что онъ не поитъ, не кормитъ и выгоняетъ ее изъ дома, бьетъ ее и самъ живетъ блудно. По доношеніямъ этимъ началось слѣдствіе. Въ консисторію были вызваны оба супруга, два свидѣтеля, извозчикъ отвозившій Бригиту до Чернаго-Яра и самъ католическій патеръ Іоаннесъ. Изъ показанія сего послѣдняго видно, между прочимъ, что онъ, желая помирить супруговъ, сажалъ ихъ у себя «на чепъ» и этимъ путемъ лишь заставилъ мужа согласиться или выдать женѣ дочь ихъ Марію, или дать ей 40 р. для проѣзда въ С.-Петербургъ. Какое послѣдовало рѣшеніе по сему дѣлу, неизвѣстно ²⁾. Послѣ этого случая въ консисторіи разсматривалось еще болѣе сложное и характерное дѣло о разводѣ католика Франсиса Яковлева съ женою его армянкой Анной Григорьевой. Изъ произведенныхъ въ консисторіи допросовъ обнаружилось, что Анна Григорьева до замужества была въ армянскомъ законѣ, а вѣнчана въ 1741 году въ католической церкви патеромъ Іоаннесомъ съ условіемъ содержать ей свою армянскую вѣру и въ католичество ни прельщеніемъ, ни угрозами и ни подъ какимъ предлогомъ ее не принуждать, «въ чемъ онъ, Яковлевъ, въ духовной консисторіи и подписался». Потомъ, не взирая на свою подписку, сталъ жить непостоянно, жену свою началъ «черезъ всякія угроженія и жесточайшія прещенія и тяжкіе побои склонять и превращать въ свою католическую вѣру», чѣмъ и достигъ своей цѣли, при содѣйствіи, конечно, патера Іоаннеса. Вскорѣ мужъ снова сталъ истязать свою жену, которая вынуждена была жаловаться на него патеру. Этотъ призывалъ къ себѣ супруговъ, увѣщевалъ ихъ, но видя ихъ непримиримую ссору «отъ супружества ихъ развелъ». Черезъ мѣсяць послѣ того Яковлевъ пришелъ къ патеру въ субботній день и сталъ требовать отъ него разводную съ прежней женой росписку съ позволеніемъ жениться на другой женѣ. Патеръ велѣлъ ему прити

²⁾ Арх. д. 1746 г. № 3333

къ себѣ на другой день, т. е. въ воскресенье. Яковлевъ пришелъ, а патерь вмѣсто росписки «при всемъ католическомъ народѣ его, Франсиса, за оное непостоянство наказалъ плетью публично». Наказаніе это подѣйствовало и супруги примирились, впрочемъ, не надолго. Развѣзжая по разнымъ городамъ, Яковлевъ вскорѣ совсѣмъ забылъ про жену и оставилъ ее безъ всякихъ средствъ къ жизни, такъ что она вторично обратилась къ патеру съ жалобою на мужа. И вотъ какъ только Яковлевъ возвратился въ Астрахань, патерь, по собственному его показанію, «за нѣкоторыя духовныя вины въ церкви всенародно его проклятію предалъ, а оную жену его Анну отъ него накиотрѣшилъ, и былъ оный Франсисъ въ томъ проклятій мѣсяца съ полтора, потомъ принесъ ему, патеру, покаяніе, почему отъ той клятвы имъ, патеромъ, и разрѣшенъ; тоцію-де съ оною женою съ того времени и понынѣ еще не смирились». Виновость самого жалобщика не подлежала никакому сомнѣнію, и самъ Яковлевъ не сталъ болѣе оправдываться, въ виду чего преосвященный рѣшилъ: «оному челобидчику католику Франсису Яковлеву отъ вышеписаннаго несправедливаго его челобитія отказать и сей приговоръ записать въ протоколъ». Черезъ три дня послѣ этого жена Яковлева подала преосвященному Иларіону просьбу, въ коей, прописывая всю неприглядную свою жизнь съ мужемъ и ссылаясь на то, что она въ католичество обращена по принужденію мужемъ, съ которымъ разлучена была патеромъ дважды и въ третій разъ мужъ ея просилъ о разводѣ съ нею у его преосвященства, — ходатайствуетъ о присоединеніи ея съ сыномъ Миасомъ (4 л.) къ православной церкви. Просьба была удовлетворена по предварительномъ наставленіи Яковлевой въ истинахъ вѣры ³⁾.

Ходатайства о бракѣ католиковъ съ православными разрѣшались безпрепятственно съ отобраніемъ лишь установленной подписки о несклоненіи въ латинство православной половины и о крещеніи дѣтей обоого пола по православному обряду; равно какъ просьбы о присоединеніи католиковъ къ православію удовлетворялись безъ всякихъ сношеній съ кѣмъ-либо, а въ случаѣ, если новокрещенные изъ католиковъ просили себѣ отпуска въ другіе города, то имъ выдавался соотвѣтствующій паспортъ безъ задержекъ ⁴⁾.

³⁾ Арх. д. 1747 г. № 3541.

⁴⁾ Арх. д. № 2729, 3565, 6012.

Гораздо большій интересъ представляютъ изъ себя дѣла, возникавшія по поводу совращеній римскими патерами кого-либо изъ православныхъ, или вообще русско-подданныхъ въ католичество. Предотвращеніе латинской пропаганды въ Россіи было всегда важнѣйшею заботою не только духовной, но и государственной власти. Обязанность слѣдить за патерами именно съ этой стороны была возложена, какъ извѣстно, на астраханскаго преосвященнаго Іоакима указомъ Св. Синода отъ 1722 года. Черезъ 13 лѣтъ послѣ того на имя преосвященнаго Иларіона по сему вопросу послѣдовалъ изъ Св. Синода новый указъ съ печатнымъ при немъ манифестомъ, въ коемъ ясно изображенъ взглядъ правительства на проживающихъ въ Россіи инославныхъ и засвидѣтельствовано крайнее злоупотребленіе со стороны ихъ русскимъ довѣріемъ. «Хотя многими предковъ нашихъ и Нашими Милостивыми указами, писалось въ немъ, свободное отправленіе службы Божіей другихъ христіанскаго закона исповѣданій, а именно: лютерскаго, реформатскаго и римскаго въ Нашемъ государствѣ всемилостивѣйше позволено и впредь имѣть позволяется, но съ тѣмъ, чтобы тѣхъ исповѣданій духовные особы жили во всякой кротости, и особливо не дерзали изъ нашихъ подданныхъ, какого бы званія оныя ни были, въ свою вѣру призывать, толь меньше же превращать: но понеже Мы къ неудовольствію Нашему слышать принуждены, что нѣкоторые изъ оныхъ тому противно поступаютъ и изъ нашихъ подданныхъ всякими внушеніями въ свой законъ приводятъ стараются: того ради всемилостивѣйше заблагоразсудили чрезъ сіе вышеписанное имянное Наше соизволеніе подтвердить и накрѣпко повелѣть, чтобъ никто изъ вышеписанныхъ законовъ духовные особы отнюдь не дерзали какимъ бы образомъ и подъ какимъ претекстомъ — то ни было изъ нашихъ подданныхъ какого бы народу и званія оныя ни были въ свой законъ превращать подъ опасеніемъ, что въ противномъ случаѣ съ ними поступлено будетъ по нашимъ государственнымъ уставамъ и указамъ и для того повелѣваемъ сей нашъ указъ во всѣхъ церквахъ вышеписанныхъ законовъ въ Нашемъ государствѣ обрѣтающихся надлежаще публиковать и у дверей церковныхъ прибить, дабы о томъ вѣдали и по сему указу Нашему поступали неотмѣнно»⁵⁾. Побуждаемые сими указаніями высшаго начальства и руководимые отвѣтственнымъ дол-

⁵⁾ Ук. Св. Синод. 1735 г. іюня 15 дня № 485.

гомъ пастырства, астраханскіе Владыки зорко слѣдили за дѣятельностью католическаго духовенства и не опускали ни одного случая проявленія съ ихъ стороны своеволія безъ надлежащаго разслѣдованія и взысканія. Впрочемъ, патеры были слишкомъ искусны въ дѣлѣ пропаганды своего заблужденія, умѣло скрывали свои проступки и легко избѣгали за нихъ законной отвѣтственности. Вотъ на примѣръ патеръ Феликсъ пріобрѣлъ себѣ двороваго человѣка калмыка, присоединилъ его, какъ свою собственность, къ католичеству и назвалъ его Франсисомъ Осиповымъ. Но этого мало. Франсисъ Осиповъ векорѣ задумалъ жениться на калмычкѣ, а какъ язычницѣ быть за христіаниномъ въ супружествѣ не пристойно, то патеръ обращаетъ калмычку въ католичку, и затѣмъ свободно вѣнчаетъ ихъ по своему обряду. Дѣло это обнаружилось лишь послѣ отъѣзда патера Феликса изъ Астрахани и безвѣстной пропажи Франсиса, когда оставшаяся безъ мужа калмычка рѣшилась «по самопроизвольному своему желанію» принять православіе ⁶⁾. Еще съ большимъ успѣхомъ и скрѣпностью, надо думать, завлекалъ въ свои сѣти другой патеръ Іоаннесъ. О продѣлкахъ его распространилась слава даже въ Персіи, такъ что бывший тамъ русскій консулъ Иванъ Багуниинъ вынужденъ былъ донести на него въ коллегію иностр. дѣлъ, изъ которой отъ 31 марта 1747 года въ астраханскую губернскую канцелярію послѣдовалъ указъ съ предписаніемъ, что «ежели подлинно жившій въ Астрахани капуцинъ Іоаннесъ здѣшнихъ армянъ и другихъ иновѣрцевъ въ папешство превращаетъ и для того освѣдомясь о томъ достоверно, буде то въ самомъ дѣлѣ, надлежитъ оному капуцину накрѣпко сіе запретить, давъ ему знать, что по указамъ въ здѣшной имперіи отнюдь никому не позволяется такіа превращенія въ вѣрѣ дѣлать, и чтобы онъ, не подвергая себя жестокому штрафу, за то спокойно пребывавъ, довольствуясь только съ прочими здѣсь живущими единозаконными дозволеннымъ отпращиваніемъ вѣры и службы Божіей» ⁷⁾. Указъ этотъ былъ объявленъ патеру по установленію съ подпискою въ исполненіи его, но это, конечно, не мѣшало Іоаннесу вести дѣло свое по прежнему и помогать товарищамъ своимъ по профессіи, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго. Въ сентябрѣ 1746 г. въ Кизлярской крѣпости появился римскій патеръ

⁶⁾ Арх. д. 1747 г. № 3565 и № 5954 (1759 г.).

⁷⁾ См. Арх. д. 1759 г. № 5983.

Рудольфъ-Іоаннъ-Марія. Прибыль онъ сюда, по его словамъ, изъ персидскаго города Гиляни по выданному отъ русскаго консула Бакуни-на паспорту, не имѣя на то разрѣшенія отъ папы, а съ намѣреніемъ чрезъ Россію отправиться въ свое отечество. Въ Кизлярѣ онъ думалъ пожить лишь одну недѣлю, но удержалъ его тамъ капитанъ Навагинскаго полку Стинфестъ «чтобы я за помощь жены его для всякихъ потребностей побылъ». Живя въ Кизлярѣ, патеръ съ мѣсяцъ будто-бы не совершалъ службы, такъ какъ у него не было патерской одежды; но вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ тамошнихъ католиковъ, онъ просилъ патера Іоаннеса выслать ему изъ Астрахани нужную одежду, послѣ чего и сталъ исправлять всякія службы «самопроизвольно» въ особливой порожней хороминѣ католика Богдасара Айвазова, «а костѣлу никакого построеннаго при немъ и до него въ той Кизлярской крѣпости не было». Между тѣмъ въ мартъ слѣдующаго года Кизлярское дух. правленіе доносило астраханскому епископу Иларіону: «Вашего преосвященства въ указѣ, 1741 г. января 20 дня состоявшемся, изображено, чтобы на російскихъ новокрещеныхъ женкахъ и дѣвкахъ и на грузинкахъ, армянь брачиться отнюдь не допускать.. А сего 1747 г. февраля 28 дня въ Кизлярѣ житель католикъ Богдасаръ Айвазовъ съ находящимся въ домѣ его католическимъ патеромъ Рудольфомъ потаенно дочь свою, незаконно прижитую Елену, которая крещена въ законѣ грекороссійскаго исповѣданія въ Сулакѣ священникомъ Григоріемъ, превратили въ свою католическую вѣру, и оный патеръ ту Елену по своему исповѣдывалъ и причащалъ; а потомъ обвинчалъ въ замужество за католика Матвѣя». Но грузинскіе священники изъ подъ вѣнца молодыхъ разлучили и Елену, взявъ изъ дому отца, отдали подъ охраненіе священнику Шіо въ домъ. При семъ доношеніи приложены были показанія Айвазова и патера. Айвазовъ признавалъ дочь свою Елену дѣйствительно православною, какъ рожденную отъ его жены-грузинки и крещенную за отсутствіемъ патера, православнымъ священникомъ; единственно оправдывался тѣмъ, что «понеже дочь моя, затѣмъ ее по закону своему и выдалъ». Патеръ же съ своей стороны не отрекаясь отъ того, что онъ исповѣдывалъ и вѣщалъ Елену Айвазову, оправдывался въ свою очередь, что не зналъ о крещеніи ея по православному обряду, такъ какъ ни отецъ, ни мать и никто изъ постороннихъ свидѣтелей не говорилъ ему объ этомъ;

у обрѣтающагося же въ крѣпости русскаго духовенства справокъ не učinили, по своему незнанію російскихъ законовъ и въ томъ числѣ строгаго указа 1735 года. Настоящее дѣло, а также и самъ Айвазовъ съ патеромъ высланы были въ астраханскую духовную консисторію, которая по разсмотрѣніи дѣла, признавъ во всемъ виновность Айвазова, по приказанію ея преосвященства, приговорила: Богдасара Айвазова «за склоненіе и совращеніе самопроизвольное дочери своей Елены въ астраханской духовной консисторіи наказать плетьюми нещадно», а по наказаніи взять отъ него росписку о несовращеніи въ католическую вѣру какъ жены своей, такъ и дочери Елены, которую также и не допускать жить съ католикомъ Матвѣемъ и выдать въ замужество лишь за состоящаго въ православной вѣрѣ челоуѣка. Впрочемъ чрезъ двѣ недѣли послѣ сего, по просьбѣ того же Айвазова, епархіальное начальство измѣнило свое опредѣленіе, дозволивъ отдать Елену католику Матвѣю «понеже вѣнчаны» съ отобраніемъ отъ него въ кизлярскомъ правленіи обычной подписки о несовращеніи жены и крещеніи по православному обряду дѣтей обоого пола «подъ жесточайшимъ за преступленіе истязаніемъ; если же таковой подписки Матвѣй не согласится дать, то и Елены не отдавать ему». Что же касается патера, то онъ былъ сысканъ и приведенъ въ консисторію, откуда онъ «содержавшійся въ духовной консисторіи» отданъ былъ на поруки астраханскому жителю католику Богдану Иванову съ товарищемъ подъ росписку въ такой силѣ, что «ежели когда опыи патерь въ духовную консисторію востребуется, то бы имъ, поручителямъ, представить его въ немедленномъ времени безъ всякихъ отговорокъ». Нужды въ патерьъ Рудольфъ по консисторіи, повидимому, никакой не оказалось. За то вѣсть о немъ и его заграничныхъ походеиіяхъ дошла какимъ то образомъ до иностранной коллегіи, которая отнеслась къ нему съ подозрительностію. Въ томъ же году она предписала астраханскому губернатору Брылкину, чтобы онъ предложилъ патеру Рудольфу, проживавшему у астраханскихъ капуциновъ, немедленно оставить Астрахань. Въ отсутствіе Рудольфу, а въ лицѣ его и вѣзмъ его собратіамъ, было сказано, что по существующимъ законамъ пропаганда въ нашей имперіи запрещена строго, что если онъ хочетъ избѣгнуть примѣрнаго наказанія, долженъ быть тихъ и скромный, и довольствоваться вмѣстѣ съ своими единовѣрцами только свободнымъ

отправленіемъ своего богослуженія, терпимаго нашими законами. Въ то же время русскому консулу въ Гилани было предписано не давать паспортовъ латинскимъ миссіонерамъ, или, какъ они названы были въ предписаніи «римскимъ священникамъ—бродягамъ» для возврата ихъ въ Европу, если они прежде въ Персію не ѣхали чрезъ Россію. Вскорѣ послѣ сего выбылъ изъ Астрахани и патеръ Іоаннесь. На смѣну ему въ 1748 году заявили съ паспортомъ изъ иностранной коллегіи римскіе капуцины Францисъ-Марія-Агроно и Габріель Авви-Лафоріо, которымъ по прибытіи ихъ объявленъ былъ въ губернской канцеляріи «съ крѣпкимъ подтвержденіемъ съ подпискою» указъ иностранной коллегіи отъ 1747 года о непревращеніи никого въ свой законъ и о спокойномъ здѣсь пребываніи⁸⁾. Но эта мѣра не могла удержать ихъ отъ латинской миссіи, которой преданы они были до фанатизма. Запрещеніе пропаганды они понимали лишь въ отношеніи природныхъ русскихъ, среди же другихъ инородцевъ она вербовала себѣ послѣдователей по прежнему, хотя съ большею осторожностію и скрытностію. Особенно выдающійся усилъхъ они имѣли среди армянъ, для которыхъ латинскія сѣти разставлены были ревностными патерами чуть не въ каждомъ мѣстечкѣ ихъ постоянного или временнаго проживанія. Это обстоятельство, дававшее астраханскимъ патерамъ возможность сваливать съ себя отвѣтственность за соvrащеніе на другихъ заграничныхъ своихъ товарищей, долгое время дѣлало ихъ неуязвимыми, пока наконецъ армянскій архіерей Стефанъ не вступился за своихъ соотечественниковъ. Ожесточенная борьба его съ патерами, продолжавшаяся около 3-хъ лѣтъ и побѣдоносно закончившаяся изгнаніемъ изъ Россіи виновныхъ соvrратителей, довольно подробно описана въ нашей статьѣ объ армянахъ, куда и отсылаемъ интересующихся этимъ вопросомъ⁹⁾.

Свищ. *Іоаннъ Саввинскій.*

(Продолженіе будетъ).

⁸⁾ Арх. д. 1747 г. 3554 и Астр. Еп. Вѣд. 1880 г. № 47 и 1881 г. № 9.

⁹⁾ См. статью: «Армяне въ Астрах. епархіи» въ Аст. Еп. Вѣд. за 1900 годъ.